

Самая
Полная
Биография

Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин.
1880-е

≡ Алекс Громов ≡

САЛТЫКОВ-ЩЕДРИН

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1.09
ББК 83.3(2Рос=Рус)1-8
Г87

В настоящем издании в качестве иллюстрированных цитат к текстовому материалу используются фоторепродукции произведений искусства, находящихся в общественном достоянии.

Дизайн обложки *Екатерины Фerez*

Громов, Алекс.
Г87 Салтыков-Щедрин/Громов Алекс — Москва: Издательство АСТ, 2026. — 288 с. — (Самая полная биография).

ISBN 978-5-17-182236-1

Непревзойденный классик сатиры с непростой судьбой — так можно охарактеризовать Михаила Салтыкова-Щедрина. Выращенный в строгости и даже жестокости, писатель не ополчился на мир, но научился видеть людские слабости и пороки, «вскрывать» наболевшие вопросы своего времени. Работа в душных канцеляриях дала ему богатый материал для осмысления. Однако сам он прекрасно понимал, что его сатирические произведения не смогут изменить окружающую действительность времен заката Российской империи...

Истинная слава пришла к нему уже после смерти. Масштаб творчества, его самобытность, яркость, оригинальность не остались без внимания в советское время. Сейчас Салтыков-Щедрин находится на пьедестале наряду с другими классиками отечественной прозы!

УДК 821.161.1.09
ББК 83.3(2Рос=Рус)1-8

ISBN 978-5-17-182236-1

© Алекс Громов, 2026
© ООО Издательство АСТ, 2026

Избранные цитаты Михаила Салтыкова-Щедрина

А у нас, ваше превосходительство

А у нас, ваше превосходительство, — говорит Порфирий Петрович, — случилось на прошлой неделе обстоятельство. Получили мы из Рожновской палаты бумагу-с. Читали мы, читали эту бумагу — ничего не понимаем, а бумага, видим, нужная. Вот только и говорит Иван Кузьмич: «Позовемте, господа, архивариуса, — может быть, он поймет». И точно-с, призываем архивариуса, прочитал он бумагу. «Понимаешь?» — спрашиваем мы. «Понимать не понимаю, а отвечать могу». Верите ли, ваше превосходительство, ведь и в самом деле написал бумагу в палец толщиной, только еще непонятнее первой. Однако мы подписали и отправили...

— Любопытно, — говорит его превосходительство, — удовлетворится ли Рожновская палата?

— Отчего же не удовлетвориться, ваше превосходительство? ведь им больше для очистки дела

ответ нужен: вот они возьмут да целиком нашу бумагу куда-нибудь и пропишут-с, а то место опять пропишет-с; так оно и пойдет...

О провинция! тебе

О провинция! ты растлеваешь людей, ты истребляешь всякую самодеятельность ума, охлаждаешь порывы сердца, уничтожаешь всё, даже самую способность желать! Ибо можно ли называть желаниями те мелкие вожделения, исключительно направленные к материальной стороне жизни, к доставлению крошечных удобств, которые имеют то неоцененное достоинство, что устраняют всякий повод для тревог души и сердца? Какая возможность развиваться, когда горизонт мышления так обидно суживается, какая возможность мыслить, когда кругом нет ничего вызывающего на мысль? Когда человек испытывает горькую нужду, когда вместе с тем все вокруг него свидетельствует о благах жизни, все призывает к ней, тогда нет возможности не пробуждаться даже самой сонной натуре. Воображение работает, самолюбие страждет, зависть кипит в сердце, и вот совершаются те великие подвиги ума и воли человеческой, которым так искренно дивится покорная гению толпа. Что нужды, что подготовительные работы к ним смочены слезами и кровавым потом; что нужды, что не одно, быть может, проклятие сорвалось с уст труженика, что горьки были его искания, горьки нужды, горьки обманутые надежды: он жил в это время, он ощущал себя человеком, хотя и страдал...

Слабоумный и праздный

Слабоумный и праздный человек! ты праздность и вялость своего сердца принял за любовь к человеку, и с этими данными хочешь найти добро окрест себя! Пойми же наконец, что любовь милосердна и снисходительна, что она все прощает, все врачует, все очищает! Проникнись этою деятельною, разумною любовью, постигни, что в самом искаженном человеческом образе просвечивает подобие божие — и тогда, только тогда получишь ты право проникнуть в сокровенные глубины его души!

Михайло Трофимович

Михайло Трофимыч все-таки хороший человек, а вот извольте ли видеть, ваше благородие, не умею я как это объясниться вам, а есть в нем что-то неладное. Словно вот как у нас баба робенка не доносит: такой слабый да хилый ходит, точно он в половину только живой, а другой-то половиной уж мертвый. Живого матерьялу они, сударь, не понимают! им все бы вот за книжкой, али еще пуще за разговорцем: это ихнее поле; а как дойдет дело до того, чтоб пеньки считать, — у него, вишь, и ноженьки заболели. Примется-то он бойко, и рвет, и мечет, а потом, смотришь, ан и поприутих, да так-то приутих, что все и бросил; все только и говорит об том, что, мол, как это его, с такими-то способностями, да грязь таскать запрягли; это, дескать, дело чернорабочих, станových, что ли, а его дело сидеть

там, высоко, да только колеса всей этой механики подмазывать. А того и не догадается, что коли все такую мысль в голове держать будут, – ведь почему знать! может, и все когда-нибудь образованные будут! – так кому же пеньки-то считать?

– То есть... ваше

– То есть... ваше благородие желаете знать, каков я таков человек есть? – сказал он, спотыкаясь на каждом слове, – что ж, для нас объясниться дело не мудреное... не принц же я, потому как и одеяния для того приличного не имею, а лучше сказать, просто-напросто, я исключенный из духовного звания причетник, сиречь овца заблудшая... вот я каков человек есть!

Губернские очерки

Воспользовавшись одною

Воспользовавшись одною из народных переписей, он всех крестьян перечислил в дворовые. Затем отобрал у них избы, скот и землю, выстроил обок с усадьбой просторную казарму и поселил в ней новоиспеченных дворовых. Все это совершилось исподтишка и так внезапно, что никто и не ахнул. Крестьяне вздумали было жаловаться и даже отказывались работать, но очень скоро были усмирены простыми полицейскими мерами. Соседи не то иронически, не то с завистью говорили: «Вот так молодец!

какую штуку удрал!» Но никто пальцем об палец не ударил, чтоб помочь крестьянам, ссылаясь на то, что подобные операции законом не воспрещались.

Что касается дворни

Что касается дворни, то существование ее в нашем доме представлялось более чем незавидным. Я не боюсь ошибиться, сказав, что это в значительной мере зависело от взгляда, установившегося вообще между помещиками на труд дворовых людей. Труд этот, состоявший преимущественно из мелких домашних послуг, не требовавших ни умственной, ни даже мускульной силы («Палашка! сбегай на погреб за квасом!» «Палашка! подай платок!» и т. д.), считался не только легким, но даже как бы отрицанием действительного труда. Казалось, что люди не работают, а суетятся, «мечутся как угорелые». Отсюда — эпитеты, которыми так охотно награждали дворовых: лежебоки, дармоеды, хлебогады. Сгинет один лежебок — его без труда можно заменить другим, другого — третьим и т. д. Во всякой помещичьей усадьбе этого добра было без счету. Исключение составляли мастера и мастерицы. Ими, конечно, дорожили больше («дай ему плюху, а он тебе целую штуку материи испортит!»), но скорее на словах, чем на деле, так как основные порядки (пища, помещение и проч.) были установлены одни для всех, а следовательно, и они участвовали в общей невзгоде наряду с прочими «дармоедами».

— Ах, злец! ах, подлец!

— Ах, злец! ах, подлец! — шепчет Анна Павловна, — ишь ведь что делает... мучитель! А что вы думаете, ведь и из людей такие же подлецы бывают! То подскочит, то отбежит; то куснет, то отдохнуть даст. Я помню, один палатский секретарь со мной вот этак же играл. «Вы, говорит, полагаете, что ваше дело правое, сударыня?» — Правое, говорю. — «Так вы не беспокойтесь; коли ваше дело правое, мы его в вашу пользу и решим. Наведайтесь через недельку!» А через недельку опять: «Так вы думаете...» Трет да мнет. Водил он меня, водил, сколько деньжищ из меня в ту пору вызудил... Я было к столоначальнику: что, мол, это за игра такая? А он в ответ: «Да уж потерпите; это у него характер такой!.. не может без того, чтоб спервоначалу не измучить, а потом вдруг возьмет да в одночасье и решит ваше дело». И точно: решил... в пользу противной стороны! Я к нему: что же вы, Иван Иваныч, со мной сделали? А он только хохочет... наглец! «Успокойтесь, сударыня, говорит, я такое решение написал, что сенат беспрременно его отменит!» Так вот какие люди бывают! Свяжут тебя по рукам, по ногам да и бьют, сколько вздумается!

Она была привезенка

Она была привезенка и не имела никакой кровной связи с Малиновцем и его аборигенами. Матушка высмотрела ее в Заболотье, где она, в качестве бойбылки, жила на краю села, существуя ничтожной

торговлишкой на площади в базарные дни. Убедившись из расспросов, что это женщина расторопная, что она может понимать с первого слова, да и сама за словом в карман не полезет, матушка без дальних рассуждений взяла ее в Малиновец, где и поставили смотреть за женской прислугой и стеречь господское добро. Эту роль она и исполняла настолько буквально, что и сама себя называла не иначе, как цепною собакой. Ни вражды, ни ненависти ни к кому у нее не было, а был только тот самодовлеющий начальственный лай, от которого вчуже становилось жутко.

— Посадили меня на цепь — я и лаю! — объявляла она, — вы думаете, что мне барского добра жалко, так по мне оно хоть пропадом пропади! А приставлена я его стеречи, и буду скакать на цепи да лаять, пока не издохну!

Пошехонская старина

Генералы поникли

Генералы поникли головами. Все, на что бы они ни обратили взоры, — все свидетельствовало об еде. Собственные их мысли злоумышляли против них, ибо как они ни старались отгонять представления о бифштексах, но представления эти пробивали себе путь насильственным образом.

И вдруг генерала, который был учителем каллиграфии, озарило вдохновение...

— А что, ваше превосходительство, — сказал он радостно, — если бы нам найти мужика?

— То есть как же... мужика?

— Ну, да, простого мужика... какие обыкновенно бывают мужики! Он бы нам сейчас и булок бы подал, и рябчиков бы наловил, и рыбы!

— Гм... мужика... но где же его взять, этого мужика, когда его нет?

— Как нет мужика — мужик везде есть, стоит только поискать его! Наверное, он где-нибудь спрятался, от работы отлынивает!

Мысль эта до того ободрила генералов, что они вскочили как встрепанные и пустились отыскивать мужика.

Долго они бродили по острову без всякого успеха, но, наконец, острый запах мякинного хлеба и кислой овчины навел их на след. Под деревом, брюхом кверху и подложив под голову кулак, спал громаднейший мужичина и самым нахальным образом уклонялся от работы. Негодованию генералов предела не было.

— Спишь, лежебок! — накинулись они на него, — небось и ухом не ведешь, что тут два генерала вторые сутки с голода умирают! сейчас марш работать!

*Как один мужик
двух генералов прокормил*

Вторым делом, насчет

Вторым делом, насчет житья своего решил так: ночью, когда люди, звери, птицы и рыбы спят, — он будет моцион делать, а днем — станет в норе сидеть

и дрожать. Но так как пить-есть все-таки нужно, а жалованья он не получает и прислуги не держит, то будет он выбегать из норы около полден, когда вся рыба уж сыта, и, бог даст, может быть, козявку-другую и промыслит. А ежели не промыслит, так и голодный в норе заляжет, и будет опять дрожать. Ибо лучше не есть, не пить, нежели с сытым желудком жизни лишиться.

Так он и поступал. Ночью моцион делал, в лунном свете купался, а днем забирался в нору и дрожал. Только в полдни выбежит кой-чего похватать — да что в полдень промыслишь! В это время и комар под лист от жары прячется, и букашка под кору хоронится. Поглощает воды — и шабаш!

Лежит он день-деньской в норе, ночей не досыпает, куска не доедает, и все-то думает: «Кажется, что я жив? ах, что-то завтра будет?»

Задремлет, грешным делом, а во сне ему снится, что у него выигрышный билет и он на него двести тысяч выиграл.

Премудрый пескарь

Интересные факты из жизни Михаила Салтыкова-Щедрина

Предки Салтыкова-Щедрина были на самом деле Сатыковы, но сумели доказать свое родство со знатным родом Салтыковых и «вписаться» в него.

В детстве будущий писатель не читал ни одной детской книги, даже басен Крылова — их просто не было в родительском доме.

За отличную учебу в Московском дворянском институте Михаил Салтыков был бесплатно переведен в Александровский (Царскосельский) лицей, который и окончил.

Дедушка писателя по линии матери был московским купцом, но получил дворянство в награду за крупное пожертвование в пользу ополчения во время Отечественной войны 1812 года.

Родовое имение Салтыковых под названием Спас-Угол находилось на стыке сразу четырех губерний.

Однажды во время службы чиновником в Вятской губернии Салтыкову — обличителю ужасов

Интересные факты из жизни Михаила Салтыкова-Щедрина

крепостного права — пришлось лично подавлять крестьянский бунт.

Освобождению Салтыкова-Щедрина из ссылки в Вятку, куда он был отправлен за публикацию двух первых своих повестей (они показались цензорам и самому императору Николаю I слишком пронизанными революционным духом), способствовал Петр Петрович Ланской — второй муж Натальи Николаевны Пушкиной.

Уже будучи известным писателем, Салтыков-Щедрин был назначен на должность вице-губернатора сначала Рязанской, а потом Тверской губернии. Император Александр II знал, кто такой Салтыков-Щедрин и в каком духе он пишет, поэтому, утверждая назначение, сказал: «И прекрасно; пусть едет служить да делает сам так, как пишет».

Вице-губернатор Салтыков-Щедрин был настолько требователен к своим подчиненным, заставляя их работать сверхурочно (а многие бедные чиновники жили далеко на окраине и были вынуждены возвращаться глубокой ночью сквозь непролазную грязь), что про него написали сатирический очерк в газете «Московские ведомости». Статья называлась «Еще несколько слов о чиновниках», и автор громил Салтыкова в тех же выражениях, в каких он сам обличал чиновников высокого ранга, защищая «маленького человека». Вице-губернатор выяснил, кто автор (это был один из тех чиновников), и лично пришел извиняться.